

От редактора

В 1724 г. – триста лет назад – в Кёнигсберге родился Иммануил Кант. Жизнь Канта, как и его учение, стала культурным событием мирового значения. О Канте и его философских взглядах написаны тысячи и тысячи книг и статей. 22 апреля в Балтийском федеральном университете им. Канта откроется Международный Кантовский конгресс «Мировое понятие философии». И там будут обсуждаться разные аспекты его философского учения. Но хочется немного поговорить о жизни Канта, потому что она представляет собой урок потрясающего интеллектуального мужества и может служить замечательным примером для думающих людей, приходящих в этот быстро меняющийся мир. Его здоровье оставляло желать много лучшего, но он не только не жаловался, но сумел победить свою природную немощь, выработал характер, обретя который он называл себя «новым человеком», и сделал за свою жизнь столько, что можно лишь удивляться. Он писал в своей работе «Спор факультетов»: «Из-за плоской и узкой груди, затрудняющей работу сердца и легких, я был предрасположен к ипохондрии, которая в юности граничила с отвращением к жизни. Однако понимание того, что это гнетущее чувство вызывается чисто механической причиной и что устранить его нельзя, помогло мне не обращать на него внимания и, несмотря на стеснение в груди, оставаться спокойным и веселым». Канта часто описывали как автомат, по которому можно было проверять часы. Он любил порядок, но это не делало его скучным занудой. В молодости он отличался эlegantностью, любил светскую жизнь. Его поздние обеды были событием в родном городе. Вот как описывает встречу с ним наш замечательный Н.М. Карамзин: «После обеда был я у славного Канта, глубокомысленного, тонкого Метафизика, ... Канта, которого Иудейской Сократ, покойный Мендельзон, иначе не называл, как *der alles zermalmende Kant*, т. е. всё сокрушающий Кант. Я не имел к нему писем; но смелость города берет – и мне отворились двери в кабинет его. Меня встретил маленькой, худенькой старичок, отменно белый и нежный. Первые слова мои были: “Я Руской Дворянин, люблю великих мужей и желаю изъявить мое почтение Канту”. Он тотчас попросил меня сесть, говоря: “Я писал такое, что не может нравиться всем; не многие любят метафизическая тонкости”. И Кант говорил с русским дворянином три часа. Он говорил о главном – о знаменитом категорическом императиве, нравственном законе, который изумлял его так же, как красота звездного неба: “Я утешаюсь тем, что мне уже шестьдесят лет и что скоро придет конец жизни моей: ибо надеюсь вступить в другую, лучшую. Помышляя о тех услаждениях, которые имел я в жизни, не чувствую теперь удовольствия; но представляя себе те случаи, где действовал сообразно с *законом нравственным*, начертанным у меня в сердце, радуюсь. Говорю о *нравственном законе*: назовем его совестью, чувством добра и зла – но он *есть*”. Эта мысль имеет особое значение для России, где к закону относятся с известным подозрением и *правда* с ним далеко не всегда совпадает.

